

Кафка Корчагин

С Николаем Островским случилось то ли самое лучшее, то ли самое обидное, что может случиться с писателем: он растворился в своем персонаже. Сам автор утверждал: я, мол, не профессиональный писатель, я пишу, ничего не выдумывая. Но в год столетия Островского родилась самая громкая литературоведческая сенсация последнего времени: не был он Корчагиным. И выдумал больше половины с ним случившегося.

Николай Островский — с детства больной ребенок, юноша-идеалист, придумавший стального Павку, а вовсе не бывший им.

Утверждает это Евгений Бузни, писатель, историк, человек богатой биографии, в своей новой книге «Литературное досье Н. Островского», выходящей в издательстве «Терра». Случилось ему трудиться и в Музее Николая Островского, в Москве на Тверской. Он водил экскурсии, изучал архивы, готовил первое более-менее полное собрание сочинений Островского, куда вошли забракованные редакторами и автором, а на самом деле едва ли не лучшие страницы романа «Как закалялась сталь». Тогда-то Бузни и заподозрил неладное.

Впрочем, еще до него эту трещину в монолитном корчагинском образе обнаружил Михаил Веллер: «Сколько послали комсомольцев? Триста. Сколько верст надо построить? Шесть. Один комсомолец на двадцать метров. Это двадцать пять шпал и три звена рельсов (они шестиметровые). Шпала-кругляк под узкоколейку весит килограммов двадцать пять. Рельс тогда под узкоколейку шел тип-18 или тип-22 — это восемнадцать или двадцать два килограмма на погонный метр, а весь рельс сто десять — сто тридцать кило. И эти двадцать пять шпал и шесть рельсов на человека они и делали героически бесконечные недели! Да там на два дня максимум работы для такой оравы!»

— Откуда же Островскому было знать эту технологию? — говорит Бузни. — Он ведь и узкоколейку не строил. Я подробно распи- сал всю хронологию его перемещений в 1920 — 1923

Таким был настоящий Николай Островский

годах, да и позднее: ему некогда было попасть на это строительство. Писал по представлениям. И можно получить достоверные подтверждения, что почти все приключения Корчагина — с первого эпизода, с изгнания из школы за подсыпанный в поповское тесто табак — вымышлены. Никто Островского ниоткуда не исключал. И откуда взялась история с его роковым ранением на фронте, после которого он якобы начал слепнуть? Я спрашивал друзей: помнят ли они у него шрам над правой бровью? Никто не помнит, хотя в некоторых мемуарах они же упоминают ранение. От такой раны обязательно остается шрам, но его нет ни на одном фото! В том числе и на знаменитом снимке 1924 года, где он еще относительно здоров... Островский начал слепнуть от туберкулеза, кото-

рым страдал с раннего детства. Он уже в девятнадцатом — двадцатом годах ходил с палочкой.

— То есть он и на фронте не был?

— Есть несколько его анкет и автобиографий, во всех разные данные. В одних письмах он настаивает, что в романе много художественного вымысла. В других — что это чистая его биография, почти без преувеличений. В анкете, заполненной после вступления в партию, и в «Личном листке» учетно-распределительного отдела ЦК ВКП(б) в графе «Служба в армии» стоит... прочерк! Его учительница Мария Рожановская вспоминает, что Коля Островский учился лучше всех, увлекался рассказывал и очень много читал...

Через Шепетовку прокатывались то белые, то красные, и, по воспомина-

ниям Рожановской, Островский с одной из частей красных ушел на фронт. Но в воспоминаниях мужа Рожановской, директора той самой шепетовской школы, о фронте ни слова.

— Но на месте, где якобы ранен в гражданскую войну Островский, установлена стела-памятник...

— Да, сопоставили маршрут движения Первой Конной с текстом романа и поставили стелу, но документальных свидетельств ранения не существует. Нет и ни единого доказательства, что Островский участвовал в гражданской. Вернее, участие это могло быть кратковременным, на что указывает отрывок из его собственного письма к Людмиле Беренфус от 3 октября 1922 года: «Порыв того желания жить своей мечтой бросил меня в армию в 1920 году, но я быстро понял, что душить кого-то — не значит защищать свободу, да и многое другое». Островский мог видеть, например, один эпизод, о котором идет речь в романе — разоружение шестой дивизии Конармии. Дивизия отличалась жестокостью и шкурничеством. Здесь Островский документально точен.

Воспоминания его одноклассников свидетельствуют, что он исчез из Шепетовки летом 1920 года, а осенью вернулся мрачный и неразговорчивый. Возможный опыт его участия в гражданской войне составляет, таким образом, полтора-два месяца. Откуда рядовому бойцу Первой Конной было знать номера приказов, опубликованных постфактум? А номера частей, точные даты боев? Писал он книгу в 1931 году, описывая события более чем десятилетней давности — по памяти или по источнику? Источника в личной библиотеке Ост-

Название «Закалялась сталь» он взял у ростовского писателя Бусыгина, добавив только слово «как».

Сказано, что Островский страдал ревматизмом, часто болел, много читал, — а про фронт директор ничего не знал. Воспоминания его опубликованы только в 2002 году. Колина одноклассница М. Нижняя вспоминает: «Многие учащиеся и учителя знали, что Островский участвовал в подпольной работе. Он помогал большевикам, расклеивал листовки, выпущенные подпольным ревкомом, помогал доставать оружие (есть свидетельства, что у него был маузер). Но никакого упоминания о фронте.

А после шепетовской школы он уехал учиться в Киевский индустриальный техникум. В Киеве заболел тифом почти сразу по приезде (а не на строительстве в Боярке). В переписках между приступами болезни пытался учиться

ровского не было. Значит, надо либо предположить феноменальную память и осведомленность шестнадцатилетнего солдата, либо сокрытие книг, которыми он действительно пользовался. В фондах Музея Островского я нашел список книг, изъятых из библиотеки писателя. Была там и книжка Н. Какурина «Война с белополяками» (1928). Я нашел другую его работу — более раннюю, 1925 года, капитальный труд, в котором обнаружил множество текстуальных совпадений с книгой Островского! Даже опечатки Какурина перешли в роман: убитый 19 августа 1920 года нацив Литинов в обоих текстах назван Летуновым.

— Выходит, он никого в жизни не убил? И схватки с бандитами в романе выдуманы?

— С бандитами все достоверно. В Киеве, я думаю, он действительно защитил женщину от нападения — этот фрагмент (2 глава второй части романа) написан неумело, но живо, с множеством ярких деталей. Я читал автограф Островского. Впоследствии книгу вообще сильно отредактировали, ушли языковые неграмотности, но и некоторое обаяние, увы, тоже...

Первые редакторы Островского сильно стремились подтянуть его по части литературной грамотности. В романе много вещей, которые могли быть известны автору только из личного опыта — но он придумывал для Корчагина куда более «стальные», жесткие мотивировки, превращая его из живого человека в некий символ. Например, в любовной истории с Мурой Волынцевой (7 глава второй части): Корчагин отказывает девушке во взаимности, хотя она настойчиво склоняет его к близости. Ему якобы отвратительны кратковременные отношения, очень уж он серьезно относится к любви. Тогда как на самом деле он был тогда влюблен в другую — прототипом Муры была Валя Лауринь, а сам Островский в Евпатории в 1925 году любил Марию Родкину. Он потом с ней еще долго переписывался. Вот и ответ, почему он пренебрег любовью Вали.

Я не вижу ничего дурного в том, что Островский выдумал своего героя. Лично мне Павел Корчагин нравился в школе. Сегодня многих он отпугивает фанатизмом — и я должен сказать, что реальный Островский таким не был. Ведь это, если вдуматься, куда больший подвиг — написать не о себе, а о другом! Да еще в то время, когда сбор материала был предельно затруднен — Островский начал писать, когда

почти ничего не видел, мог читать не более часа в сутки, а в процессе работы над книгой вовсе ослеп! Когда я понял, что «Как закалялась сталь» — в огромной степени результат осмысления услышанного и прочитанного, а не просто автобиография, автор стал мне ближе и симпатичнее. Кстати, и название «Закалялась сталь» он, возможно, взял у ростовского писателя Бусыгина, добавив к названию его повести 1926 года только слово «как». А знаменитая фраза о том, что жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно, — почти точная цитата из «Рассказа неизвестного человека» Чехова: «Жизнь дается человеку один раз. И прожить ее надо бодро, осмысленно, красиво...» Это совпадение отметил еще литературовед Е. Балабанович. Кстати, первая моя статья о подлинной биографии Островского появилась некогда именно в «Собеседнике».

■ Дмитрий Быков.

особое мнение

Лев Аннинский, критик, литературовед, автор книги о Николае Островском:

— Вопрос не в том, был ли Островский, скажем, в действительности ранен... Скорее всего был, он часто ссылается на этот факт, причем в письмах к людям, с которыми обычно откровенен. Думаю, Островский изменял свою биографию по другим принципам: писал железного и сознательного бойца Павку, тогда как сам был мальчишкой, увлеченным то ро-

мантикой бунта, то романтикой войны, то коллективным трудом.

По фактам «Как закалялась сталь» не так уж далека от реальной биографии автора, а вот по мотивировкам и характеристикам... Коля Островский был живой и непосредственный человек, а Корчагин — это тот страшный идеал, к которому он стремился...

Островский Николай

13.04.2005